

Колдовские

Миры

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

ДОЧЬ ТРОЛЛЯ

Книга четвертая

СБЕЖАВШИЙ ЖЕНИХ

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Малиновская, Елена Михайловна.

М19 Дочь тролля. Книга четвертая. Сбежавший жених / Елена Малиновская. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-81801-3

А ведь так все хорошо начиналось! Да, я рассталась с одним женихом, но тут же обрела нового. И казалось, дело движется к неминуемой свадьбе, как неожиданно мой избранник просто-напросто исчез. Волей-неволей заподозришь, будто с тобой что-то не так, раз женихи разбегаются, словно тараканы от яркого света. Но я не собираюсь мириться с таким безобразием! И пусть этот наглец не думает, что сумеет спрятаться от меня. Все равно отыщу и заставлю жениться!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Малиновская Е., 2015
© Оформление.

ISBN 978-5-699-81801-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОПЯТЬ В ДОРОГУ

За окнами шел ливень. Он начался еще утром и, похоже, не собирался прекращаться и к вечеру. На лужах разбегались пузыри, что, согласно старой народной примете, предсказывало долгое ненастье.

Да, стоило признать, что начало сентября в этом году выдалось по-настоящему осенним: с промозглыми порывами холодного ветра, от которых то и дело жалобно звенели стекла, долгими затяжными дождями и плотной стеной низких туч, через которые не пробивалось и лучика. Да что там, мне все чаще казалось, что жаркое солнечное лето было целую вечность назад. Впрочем, было ли оно, или просто прикидилось в одну из бесконечных ночей, когда шум дождя ядовитой змеей вползает в твои сны, наполняя их тоскою и болью по утраченному теплу.

Я плотно задернула гардину, поскольку вид залитых бесконечными потоками воды стекол и серой хмари за окнами уже начинал действовать мне на нервы. Прищелкнула пальцами, заставив тем самым магический шар, плавающий под потолком, разгореться ярче. Я понимала, что это глупо: в комнате и без того было тепло и светло. Но ничего не могла с собой поделать. С наступлением ненастья я вдруг обнаружила, что после обретения тени стала весьма теплолюбивым созданием. От малейшего сквозняка у меня начинало нестерпимо ломить кости, а руки

и ноги превращались в настоящие ледышки. Я даже вытребовала у Седрика жаровню для своей спальни, поскольку этот нехороший человек и по совместительству вроде как мой новый работодатель пока не считал нужным топить камины. И мое счастье, что господин королевский дознаватель по особо важным делам не видел, в какой непозволительной близости от моей постели стояла эта самая жаровня, иначе наверняка прочитал бы мне долгую и нудную лекцию про опасность пожара. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что каждый вечер я борюсь с невероятным искушением затащить жаровню в кровать и спать с ней в обнимку?

И еще больше меня злило то, что сам Седрик из Черной Грязи не испытывал никаких отрицательных эмоций по поводу плохой погоды. Напротив, он словно оживился с наступлением дождей. Теперь его теплый поношенный сюртук, с которым он практически никогда не расставался, ни у кого не вызывал вопросов. Фрей тоже особо не горевал из-за так рано и неожиданно нагрянувшей осени, поскольку дурная погода давала ему должное оправдание для бокальчика-другого горячего вина, неизменно подаваемого к ужину. А Морган... Эх, Морган... Знать бы, чем он сейчас занят.

Я недовольно трянула головой, пытаюсь таким образом отвлечься от грустных мыслей, и вернулась к письменному столу, заваленному бумагами. Уселась на самый краешек очень неудобного и очень твердого стула и принялась рассеянно перебирать листы, исписанные с обеих сторон мелким убористым почерком. Седрик наконец-то вспомнил, что нанял меня в качестве своей личной помощницы, и сегодня сразу после завтрака озадачил первым заданием. Я должна была прочитать доклад младшего

дознавателя, отправившегося проверить слухи о том, будто в одной из деревень творится нечто странное, вычленив из него главное и пересказать моему работодателю самую суть.

Дело осложнялось тем, что этот самый дознаватель явно страдал чрезмерной многословностью. Рассказ о поездке, занявшей всего день, занимал огромную кипу бумаг. Одно описание утра, за которое вообще-то ничего не произошло, тянуло на целую книгу. Наверное, именно поэтому сам Седрик и не стал утруждать себя чтением. Полагаю, страсть к пустому сочинительству неизвестного мне младшего дознавателя ни для кого из его коллег не являлась тайной.

Я взяла новый листок и, нахмурившись, быстро пробежала его взглядом. Одно радует: почерк у автора сего объемного творения разборчивый. Иначе моя задача превратилась бы в просто-таки невыполнимую.

Хотела я того или нет, но доклад мне надлежало тщательно изучить до обеда. Не сомневаюсь, что господин королевский дознаватель не упустит шанса устроить мне своего рода экзамен, желая проверить, насколько серьезно я отнеслась к первому настоящему поручению. Но от описания меню постоянного двора, где остановился младший дознаватель, меня уже мутило. Полагаю, это чрезвычайно редкий дар: целых пять страниц рассказывать о том, насколько отвратительного вкуса была подгоревшая яичница, поданная несчастному служителю закона на завтрак.

В этот момент моя совесть в очередной раз воззвала к моему чувству ответственности, напомнив о том, что я по сути даже не начала выполнять задание. Я уныло вздохнула и попыталась сосредоточиться на докладе. Но строчки расплывались перед глазами,

навевая неудержимую зевоту. Я клонула носом раз, другой, затем подперла ставшую вдруг такой тяжелой голову кулаком и опять надолго забыла о злключенных молодого дознавателя, сосредоточившись на своих проблемах. А их у меня хватало.

Бессонница. Раньше я и не знала, что это за зверь такой. Всегда, сколько я себя помню, у меня не было ни малейших проблем со сном. Точнее, были, но, скорее, из-за моей любви понежиться в объятиях дремы. Стоило только моей голове коснуться подушки — как я немедля отплывала в страну грез. Увы, теперь все изменилось. Я часами лежала на спине, тараща глаза в плескавшуюся вокруг тьму, и тщетно пыталась забыть-ся хотя бы на несколько минут. Однако все впустую. Даже шепот мрака, который после обретения тени я была обречена постоянно слышать, не мог успокоить меня. Но ночное бодрствование требовало слишком дорогую цену. По утрам я отчаянно зевала и терла слипающиеся глаза, теряла нить разговора и чувствовала себя настолько препогано, будто всю ночь не возлежала на кровати, застеленной мягчайшей периной, а вкалывала на поле, подобно самой бедной крестьянке, которую муж за неимением лошади запрягает в соху.

Морган.

Забывшись, я вывела это имя на полях очередной страницы доклада слишком словоохотливого дознавателя. Спohватившись, зло выругалась себе под нос и попыталась замаскировать свою оплошность кляксой, потянулась за чернильницей, но неловким движением опрокинула ее.

Теперь я выругалась во весь голос. Вскочила на ноги и принялась торопливо спасать доклад от угрозы быть залитым чернилами. Правда, при этом перемазалась сама с головы до ног и безнадежно испачкала любимое платье. Ну как сказать — любимое. Просто

на сей момент это был мой единственный наряд, купленный на аванс, любезно выданный Седриком в честь первого месяца работы. Остальные деньги я потратила на всякую ерунду, в основном — на сладости, ошеломленная столичным выбором.

Впрочем, я отвлеклась. Так или иначе, но несколько листов оказались безвозвратно загубленными. Я неполную минуту грустно смотрела на них, силясь разобрать хотя бы слово, затем легкомысленно махнула рукой. А, ладно! Надеюсь, что пострадало очередное долгое, нудное и совершенно бесполезное описание приема пищи. Например, жалобы донзавателя на невкусный обед.

Именно в этот момент в дверь моей комнаты осторожно поскреблись.

Я вздрогнула от неожиданности. Неужели магическое могущество Седрика распространяется до таких пределов, что он способен видеть все, происходящее в комнатах его дома? И сейчас я наверняка получу суровую выволочку за возмутительную небрежность при работе с важными документами. Но почти сразу из коридора послышался знакомый голос Фрея.

— Мика, это я, — почему-то зашептал он и опять заскребся, невольно вызвав у меня ассоциации с кошкой, рвущейся с улицы в тепло дома.

— Входи! — разрешила я, обрадовавшись визиту друга.

В самом деле, хоть одна уважительная причина, чтобы ненадолго отложить уже порядком поднадоевшее чтение.

— Доброе утро, — поздоровался Фрей, проскользнув ко мне в комнату. Ошарашенно помотал головой, выдохнув: — Ну и духотища у тебя!

Я, в свою очередь, зябко потеряла ладони, плотнее закуталась в пуховую шаль и кинула озабоченный

взгляд на жаровню, проверяя, не погасла ли она. Затем склонила голову и кивнула приятелю:

— Привет!

— Решил проверить, почему к завтраку не вышла, — пояснил цель своего визита Фрей, утирая выступившую на лбу испарину. — Не заболела?

Вместо ответа я неопределенно пожала плечами. В самом деле, не признаваться ведь другу в том, что одна мысль о еде вызывает у меня тошноту. Слишком сильно я волнуюсь за Моргана.

— Ой, а что это у тебя с лицом? — наивно удивился Фрей, только сейчас, должно быть, заметив, насколько чумазое у меня лицо. — И платье все в пятнах. Ты что, чернила пила?

— Да, — мрачно проговорила я. — Став арахнией, я вдруг обнаружила, как сильно изменились мои пристрастия в еде. Нет ничего вкуснее, как выпить с утра чашечку свежих чернил и закусить гусиным пером!

Фрей смешно округлил рот и выпучил глаза, уставившись на меня с таким наивным ужасом, что невольно мне стало стыдно. Эх, когда я уже привыкну, что Фрей частенько принимает все на веру!

— Я шучу, — поспешила я его успокоить. — Просто чернильницу случайно опрокинула.

— Фух! — с явным облегчением выдохнул тот. Укоризненно покачал головой. — Мика, нельзя же так серьезно говорить! Я и впрямь поверил, что ты, когда никто не видит, распитием чернил пробавляешься.

— Зачем ты пришел? — еще суше спросила я. Понимаю, что прозвучало невежливо, но у меня не было сейчас ни малейшего настроения к ведению дружеской беседы.

Судя по всему, Фрей обиделся на столь холодный прием. Он насупился, мгновенно став похожим на медведя, грустно опустил плечи и нехотя сказал:

— Да так, просто навестить хотел. Волновался, в порядке ли ты. Как-никак от Моргана почти месяц известию нет. Даже Ульрика забеспокоилась.

Я встала, с грохотом отодвинув стул, и отошла к окну. Одернула гардину, уставившись на дождь, бушующий снаружи. Морган. Да, вот единственная причина моего дурного настроения, бессонницы и неспособности сосредоточиться на чем-либо. Сейчас все мои мысли заняты только им. И я не знаю, чего больше в моих раздумьях: злости на него за то, что тогда он так невежливо выставил меня прочь, едва только Дани представился его братом, или же беспокойства за стихийника. Кто знает, чем могла закончиться та встреча. В конце концов, Дани вполне мог солгать ему. Не стоит забывать о том, что именно Дани убил его поверенного, сьера Густава. То бишь приличным человеком он точно не является.

«Если уж на то пошло, то он вообще не человек», — поправил меня внутренний голос.

Так или иначе, но в ту проклятую ночь я преодолела расстояние, разделяющее дом Моргана и жилище королевского дознавателя, стремительным бегом. Мучимая тревогой и страхом за жизнь Моргана, я заставила Седрика немедленно собраться и отправиться со мной обратно. Того, к слову, долго упрашивать не пришлось. Едва он услышал, какой гость почтил Моргана поздним визитом, то немедленно кинулся обратно, да так, что я едва поспевала за ним.

По моим прикидкам, вся эта беготня заняла не больше десяти минут. Однако по возвращении мы застали дом Моргана опустевшим. Радовало, что не было следов борьбы. Думаю, если бы Дани напал на него, то Морган постарался бы продать свою жизнь как можно дороже. Но почему стихийник не оставил

хотя бы записки? Он ведь прекрасно понимал, как сильно я буду волноваться!

Первые несколько дней после неожиданного исчезновения Моргана я вздрагивала от каждого стука и от каждого шороха. Думала, что вот-вот он объявится с удивительной историей, объясняющей его исчезновение. Но все было зря. Дни складывались в недели, миновал почти месяц, наполненный непрекращающейся тревогой. И за все это время я не получила ни весточки от Моргана. Расследование Седрика тоже не приносило никаких плодов. Никто в столице не видел найна Моргана Атлена, никто даже не слышал о его возвращении. Он словно сквозь землю провалился.

Увы, его столь странное исчезновение означало для нас одну очень серьезную проблему. Ульрика неожиданно оказалась без крыши над головой, поскольку наотрез отказалась жить в опустевшем доме, где к тому же совсем недавно произошло убийство. Фея устроила такую слезную истерику, так рыдала, припав к груди ошеломленного таким развитием событий Седрика, что сердце некроманта дрогнуло, и он нехотя разрешил перебраться ей к себе. Хотя я усердно строила ему при этом страшные рожи, безмолвно умоляя не совершать такую огромную глупость!

Надлежало признать, первые два или три дня Ульрика действительно вела себя прилично. Да что там, первое время она вообще почти не показывалась на глаза, опасаясь, что в любой момент ее отправят во свояси. Но затем осмелела и как-то незаметно вернулась к прежнему демонстративно-развязному поведению. Правда, при этом всю мощь сомнительного остроумия она сосредоточила на мне и Фрее, справедливо предполагая, что после первой же попытки подшутить над Седриком моментально окажется на

улице. Господин королевский дознаватель по особо важным делам не выглядел как человек, благосклонно относящийся к намекам по поводу своего происхождения или же внешности.

Наверное, Ульрика тоже переживала из-за Моргана. Беда была в том, что волнение она выражала тем, что доводила меня до белого каления своими жуткими догадками по поводу его предполагаемой судьбы. Так, к примеру, однажды всего за один вечер я узнала не менее сотни способов убийств. Все мои попытки перевести разговор на более приятную тему завершились ничем. Даже Фрей ничем не мог мне помочь. Он сидел, онемев от ужаса и неприлично раззявив рот, и то бледнел, то краснел, видимо, пораженный неистощимой фантазией феи.

Закончилась эта своеобразная пытка лишь с приходом Седрика. Некроманту хватило одного взгляда, чтобы правильно оценить ситуацию. После чего он нехорошо ухмыльнулся и словно невзначай обронил, что такая потрясающая осведомленность феи в подобного рода делах вызывает у него, как у королевского дознавателя, массу вопросов. И однажды он вполне может захотеть получить на них ответы.

Столь прозрачного намека на предполагаемый допрос Ульрика не могла не понять, поэтому обиженно замолчала, а потом и вовсе предпочла воспользоваться чарами невидимости и скрыться от внимательного изучающего взгляда некрманта.

Стоит ли объяснять, что после той сцены я предпочитала как можно реже выходить из своей комнаты, лишь бы не встретиться в очередной раз с Ульрикой. Без того тошно. А плохая погода не добавляла оптимизма, напротив, погружала меня все глубже и глубже в пучины отчаяния.

— Переживаешь?

В следующее мгновение я вздрогнула, почувствовав на своем плече руку Фрея. Надо же, так углубилась в свои мысли, что даже не услышала, как он подошел. Если говорить откровенно, то я вообще умудрилась забыть об его присутствии. Надеюсь, хоть вслух я не размышляла, перечисляя свои беды.

Я не хотела показывать приятелю свою слабость. Наверное, стоило скинуть его руку со своего плеча, развернуться и с усилием рассмеяться, а затем начать сыпать неловкими шутками, пытаясь доказать, что все в порядке. Но в голосе Фрея было столько неподдельного участия и сопереживания, что я предательски шмыгнула носом раз, другой, а потом и вовсе разревелась. Некрасиво так разревелась: в полный голос, с горестными завываниями и всхлипываниями.

В любовных романах, которые я частенько таскала из библиотеки матери, обычно утверждалось, что слезы красят женщину. Наверное, это какие-то особенные женщины, которые умеют по-особенному плакать. Порой я замороженно перечитывала описания того, как крупные прозрачные слезы медленно сползают по щекам несчастной обиженной, и ее мучитель в тот же миг осознает недопустимость подобного поведения и испытывает жестокие муки совести. Ну а потом, естественно, следовала страстная сцена примирения. Увы, я так плакать не умела. Я не видела себя в зеркале, но не сомневалась, что по моему лицу и шее сейчас расплзлись красные некрасивые пятна, нос опух и увеличился, наверное, раза в два, а глаза, напротив, превратились в узенькие щелочки. Красотка, да и только!

— Ну-ну, не надо! — ошеломленно пробормотал Фрей.

В ответ я провела нечто невразумительное, спрятав лицо за ладонями.

— Мика, я сейчас тоже заплачу! — хнычущим голосом предупредил меня приятель после очередной долгой паузы, наполненной моими сдавленными вздохами.

Я честно попыталась прекратить свой водопад слез, но вместо этого разрыдалась пуще прежнего. Фрей помолчал еще немного и в унисон мне принялся подшмыгивать носом.

— А вдруг он уже умер? — с трудом выдавила я из намертво перехваченного спазмом горла свой самый главный страх.

Фрею не потребовалось никаких уточнений, о ком я говорю. Вместо этого он развернул меня и прижал к своей необъятной груди с такой силой, что мои ребра жалобно затрещали. Уткнулся носом в мои волосы, и что-то подозрительно горячее закапало на мою макушку, доказывая, что приятель тоже не удержался и пустил слезу.

Понятия не имею, сколько мы так простояли, рыдая в объятиях друг друга. Лишь одно меня страшило: что эту сцену может застать Ульрика. Не сомневаюсь, что противная летающая вредность будет еще долго припоминать нам минутную слабость.

Стоило мне так подумать, как кто-то рядом громко кашлянул, предупреждая о своем присутствии.

Я мгновенно отпрянула от Фрея, одновременно кулаком утирая глаза. И увидела, что на пороге стоит донельзя удивленный Седрик.

— Дверь была приоткрыта, — пояснил он в ответ на мой разгневанный взгляд. — Я шел в свой кабинет, но остановился, услышав рыдания. Постучался раз, другой, но вы, по всей видимости, меня не услышали.

После чего выжидающе вскинул бровь, глядя попеременно то на меня, то на Фрея.

— Мы плакали, — простодушно признался приятель, прежде оглушительно высморкнувшись в но-